

18+

Ольга

Шишкина

2050

Ольга Шишкина

2050

«Издательские решения»

Шишкина О.

2050 / О. Шишкина — «Издательские решения»,

Новая капсула будущего из авторской серии «2030» и «2100». Ольга Шишкина предлагает открыть «2050» и заглянуть туда, где уже произошло то, о чём человечество пока только начинает догадываться.

© Шишкина О.

© Издательские решения

2050

Ольга Шишкина

© Ольга Шишкина, 2026

ISBN 978-5-0071-1600-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2050 — новая книга Ольги Шишкиной. Если вы уже знакомы с моими мирами, то знаете, что время в них — не просто цифры на календаре. Это границы между эпохами, точками невозврата и событиями, которые постепенно меняют привычную реальность. «2030» — мир ближайшего будущего, в котором технологии, искусственный интеллект и изменения человеческого поведения только начинают перестраивать привычную нам цивилизацию. «2100» — уже совсем другой горизонт, далёкое будущее, в котором человек, AI, роботы и новые формы существования могут изменить само представление о человечестве. Между ними оставалось пространство, о котором я ещё не рассказывала. Поэтому появилась «2050». Это промежуточная точка моей вселенной, но назвать её просто связующим звеном было бы неправильно. К середине века происходят события, последствия которых будут ощущаться далеко за пределами одной эпохи. Постепенно меняется мир, меняются люди, меняются правила, по которым существует привычная реальность. И где-то за этими изменениями начинает проступать нечто гораздо более древнее, чем технологии. В «2050» я хочу подвести читателя к событиям, которые станут важными для дальнейшей истории этой вселенной. Здесь появится другая атмосфера, другой масштаб и другой уровень опасности. Это уже не просто разговор о будущем человечества и не попытка представить, каким станет мир через несколько десятилетий. Это история о том, что происходит, когда несколько разных сил, эпох и представлений о мире сталкиваются в одной точке. Поэтому «2050» — это dark fantasy, фантастика, будущее и мифология одновременно. Но пока я не буду раскрывать, что именно произойдёт в этой книге. Некоторые вещи лучше узнавать не из аннотации, а постепенно, страницу за страницей. Скажу только одно: если «2030» открывал дверь в будущее, а «2100» показывал, насколько далеко может уйти человечество, то «2050» находится именно там, где история начинает меняться по-настоящему. Это книга о переходе. О мире, который уже не может вернуться назад. И о событиях, после которых будущее будет выглядеть совсем иначе.

Я всё-таки прилетела во Владивосток. Билет был куплен в один конец, и, наверное, именно поэтому всю дорогу мне казалось, что я совершаю какую-то совершенно необъяснимую глупость. Впрочем, если бы я заранее понимала, зачем именно сюда лечу, возможно, я бы вообще никуда не полетела. В последнее время я всё чаще замечала за собой странную вещь: чем меньше я понимала происходящее, тем спокойнее себя чувствовала. Наверное, это и есть взрослая жизнь. Или просто усталость. Сегодня немного потеплело. По крайней мере, так мне сказали ещё в самолёте, когда я, сидя у окна и глядя на серое море облаков, спросила у женщины через проход, не холодно ли сейчас во Владивостоке. Она посмотрела на меня так, будто вопрос был странным, и ответила, что уже почти весна. Я почему-то ей поверила. Двери аэропорта открылись, и в лицо сразу ударил лёгкий морозный ветер. Не сильный, не тот, который заставляет прятать лицо в воротник, а скорее бодрящий, влажный, с каким-то морским привкусом. Я остановилась на несколько секунд прямо у выхода, поставила чемодан рядом и вдохнула. В воздухе действительно пахло весной. Очень странно пахло. Холодом, морем, мокрым асфальтом, кофе из маленького киоска неподалёку и чем-то ещё, совершенно человеческим. Немытыми телами. Уставшими людьми. Пластиком дорожных сумок. Чужими духами. Само-

лётками. Городом. Я давно не была во Владивостоке. Больше пятнадцати лет. Я даже не помнила точно, когда была здесь в последний раз. Наверное, это было в другой жизни, в том времени, когда я ещё могла приехать куда-нибудь просто так, не задавая себе вопроса, зачем именно мне туда нужно. Тогда Владивосток казался мне огромным, почти бесконечным городом на краю земли. Сейчас я смотрела на людей, выходящих из аэропорта, и думала о том, что он, наверное, совсем не изменился. Или изменился настолько, что я просто пока этого не замечаю. На мне были мои ботинки, которые я купила в Катманду. Я очень их любила, хотя они совершенно не подходили к сегодняшней погоде и вообще, если честно, были рассчитаны скорее на то, чтобы красиво стоять где-нибудь в аэропорту, чем таскать меня по Владивостоку с двумя чемоданами. Но я всё равно их надела. Я всегда почему-то надеваю в поездку вещи, которые потом ненавижу. Чемоданы катились по плитке, один из них периодически цеплялся за какую-то неровность, и я уже в первые пять минут после выхода из аэропорта успела пожалеть, что не взяла что-нибудь поменьше. Но возвращаться было поздно. Да и зачем? У меня было два чемодана, рюкзак и билет в один конец. Этого вполне хватало, чтобы чувствовать себя человеком, который совершил необратимую ошибку. Я посмотрела на телефон. Паша написал, что уже приехал. «Я на месте». И всё. Ни фотографии, ни описания, ни вопроса, где именно я нахожусь. Как будто мы встретились не через пятнадцать лет, а вчера вечером разошлись по домам. Я улыбнулась, хотя рядом никого не было. Паша всегда так писал. Коротко. Без лишних слов. Когда-то это ужасно меня раздражало. Потом я привыкла. А потом обнаружила, что именно по этим коротким сообщениям могу понять, в каком он настроении. Сейчас он был явно спокоен. Или делал вид. Я убрала телефон в карман и пошла дальше. Людей было не так много. Кто-то курил возле входа. Кто-то ругался по телефону. Мужчина в пуховике пытался одновременно тащить три огромные сумки и держать за руку ребёнка, который явно не хотел никуда идти. Девушка в белой шапке стояла у колонны и пила кофе из бумажного стакана. Из дверей постоянно выходили новые пассажиры, и каждый раз внутрь вривался холодный воздух. Где-то над головой что-то объявлял диктор. Я не разобрала ни слова. Потом объявление повторилось, и я снова ничего не поняла. Вокруг пахло кофе, мокрой одеждой, табаком, дешёвыми духами и людьми, которые провели несколько часов в самолёте. Я подумала, что это, наверное, один из самых честных запахов аэропорта. Никакой романтики. Просто люди прилетели. Люди уехали. Люди ждут. Люди встречают. Люди опаздывают. Люди делают вид, что всё нормально. Я снова достала телефон. «Ты где?» — написал Паша. Я ответила: «Вышла». Через несколько секунд он поставил большой палец вверх. Я посмотрела вокруг. Потом ещё раз. И увидела его. Сначала я даже не была уверена, что это он. Человек стоял немного в стороне, у стеклянной стены, засунув одну руку в карман куртки. Он был выше, чем я помнила. Или мне так показалось. Наверное, потому что пятнадцать лет — это много. За пятнадцать лет человек успевает стать совершенно другим. У него появляются новые привычки, новые морщины, новые истории, новые причины молчать. Но есть вещи, которые не меняются. Я увидела его глаза. Голубые, как северные озёра. И сразу поняла, что это Паша. Он тоже меня увидел. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга через поток людей. Потом он улыбнулся. И я увидела ту самую прядь волос, которая, как и раньше, свисала ему на щёку. Господи, подумала я. Даже это не изменилось. Он подошёл ко мне и молча забрал один из чемоданов. — Как доехала? — спросил он. — Нормально. — Спала? — Немного. — Ела? — Нет. Он кивнул, будто получил важную информацию, и поставил мой чемодан рядом со своим. — Тогда сначала кофе. — Ты всё ещё думаешь, что кофе решает все проблемы? — спросила я. — Нет. Только большинство. — А остальные? — Для остальных есть Владивосток. Я засмеялась. Он посмотрел на меня и тоже улыбнулся. И в этот момент всё стало каким-то странно знакомым. Как будто пятнадцати лет не было. Как будто я не прилетела сюда с билетом в один конец. Как будто мы не стояли в аэропорту города, в котором я не была больше пятнадцати лет. Как будто всё это было совершенно обычным утром. Мы пошли к выходу. Паша катил мой чемодан, я несла

рюкзак и второй, маленький чемодан, который почему-то оказался гораздо тяжелее первого. Я посмотрела на него сбоку. — Ты совсем не изменился. — Это неправда. — Почему? — Потому что я постарел. — Не очень. — Очень. Просто ты меня давно не видела. — Может быть. Он ничего не ответил. Мы вышли на улицу. Холодный воздух сразу стал сильнее. Я застегнула куртку и посмотрела на небо. Оно было низким, серым и каким-то почти белым. Где-то за облаками было солнце, но оно совершенно не собиралось показываться. — Тут всегда так? — спросила я. — Как? — Серо. — Нет. Иногда ещё серее. — Отлично. Я рада, что прилетела. Он рассмеялся. — Ты же сама хотела. — Я знаю. — Тогда чего жалуешься? — Я не жалуюсь. Я фиксирую обстановку. — Писатель-футурист, — сказал он. — Началось. Я посмотрела на него. — Что началось? — Ничего. Просто вспомнил. — Что? — Потом. Он снова замолчал. Я хотела спросить, что именно он вспомнил, но почему-то не стала. Мы пошли к машине. По дороге я несколько раз оглянулась на аэропорт. Не знаю зачем. Наверное, просто хотелось запомнить это место. Двери открывались и закрывались. Люди входили. Люди выходили. Кто-то кого-то обнимал. Кто-то стоял один. Кто-то курил, прикрывая сигарету ладонью от ветра. Я вдруг подумала, что любой аэропорт на самом деле похож на маленький город. У него есть свои правила, свои маршруты, свои случайные встречи и люди, которые появляются в твоей жизни на несколько минут, а потом исчезают навсегда. Мы дошли до машины. Паша открыл багажник и положил чемоданы внутрь. Я села рядом с ним. В салоне было тепло. Пахло кофе, кожей и каким-то знакомым ароматизатором. — Ты всё ещё пьёшь без сахара? — спросил он. — Да. — Хорошо. — Почему хорошо? — Потому что я купил кофе. Без сахара. — А если бы я теперь пила с сахаром? — Тогда пришлось бы ехать обратно. Я посмотрела на него и снова засмеялась. Он завёл машину. За окном медленно поплыл аэропорт. Потом дорога. Потом серые здания. Потом какие-то вывески, которые я не успевала прочитать. Владивосток постепенно начинал становиться городом, а не воспоминанием. Я смотрела в окно и пыталась вспомнить, каким он был пятнадцать лет назад. Получалось плохо. В памяти оставались отдельные куски. Море. Холмы. Маяк. Узкие улицы. Ветер. Длинные разговоры. Чужая квартира. Кто-то смеётся на кухне. Музыка из открытого окна. Паша. Я закрыла глаза. — Ты чего? — спросил он. — Ничего. Вспоминаю. — Что? — Владивосток. — Получается? — Пока нет. — Ничего. Он тебя вспомнит. Я открыла глаза и посмотрела на него. — В смысле? — В прямом. Ты его увидишь и всё вспомнишь. Я улыбнулась. — Я хочу на маяк Токарева. — Конечно. — Прямо сегодня. — Посмотрим. — Нет, не посмотрим. Я хочу сегодня. — Ты прилетела десять минут назад. — И что? — Ты ещё не успела даже кофе выпить. — Вот поэтому и хочу на маяк. — Зачем? Я посмотрела в окно. — Не знаю. Просто хочу. Мне всегда нравился этот маяк. Паша ничего не ответил. Мы ехали дальше. Я смотрела на город и чувствовала странное, почти детское возбуждение от того, что снова нахожусь здесь. Я совершенно не знала, чем встретит меня Владивосток. Я не знала, что изменилось за эти пятнадцать лет. Не знала, каким стал город. Не знала, каким стал Паша. Не знала даже, какой стала я. Но почему-то мне казалось, что всё это выяснится очень быстро. На светофоре Паша посмотрел на меня. — Ты уверена, что хочешь остаться? — спросил он. — Да. — Надолго? — Не знаю. — У тебя билет обратно есть? — Нет. Он кивнул. — Тогда действительно надолго. — Я же сказала, билет в один конец. — Я помню. Мы снова замолчали. За окном проносились дома, машины, остановки, люди. Обычная жизнь. Ничего особенного. Я посмотрела на часы. Было немного после полудня. Где-то в городе люди торопились на работу. Кто-то покупал продукты. Кто-то стоял в пробке. Кто-то ругался. Кто-то впервые встречался с человеком, которого давно не видел. Где-то женщина открывала окно. Где-то мужчина ставил чайник. Где-то ребёнок собирался в школу. И всё это происходило одновременно. Мне нравилась эта мысль. Что у каждого человека есть своя жизнь, и прямо сейчас миллионы маленьких историй происходят параллельно, никак не пересекаясь. Я посмотрела на Пашу. — Ты чего молчишь? — спросила я. — Думаю. — О чём? — О том, что ты всё-таки приехала. — А ты думал, что не приеду? — Немного. — Почему? — Не

знаю. — Паш. — Что? — Ты странный. — Я всегда был странным. — Нет. Сейчас сильнее. Он улыбнулся. — Может быть. Я отвернулась к окну. На стекле появилась маленькая капля. Потом ещё одна. Начался дождь. Очень мелкий. Почти незаметный. Я провела пальцем по стеклу и посмотрела, как капля медленно ползёт вниз. В этот момент мне почему-то стало спокойно. Не хорошо. Не плохо. Просто спокойно. Как будто я наконец оказалась там, где должна быть. Я ещё не знала, что именно привело меня во Владивосток. Не знала, зачем мне этот город. Не знала, почему Паша несколько раз за последние недели говорил со мной так, будто хотел что-то рассказать, но каждый раз передумывал. Не знала, почему он попросил меня приехать именно сейчас. И уж точно не знала, почему перед вылетом я вдруг купила билет в один конец, хотя могла спокойно взять обратный. Всё это казалось мелочами. Обычными мелочами, из которых иногда складывается совершенно обычная жизнь. Паша включил музыку. Я посмотрела на него и улыбнулась. — Поехали, — сказала я. — Куда? — В город. Он кивнул. Машина тронулась. За окном проплыл последний указатель аэропорта. Я посмотрела назад, но уже ничего не увидела. Только дорогу, мокрый асфальт и серое небо. Я отвернулась. Тогда я ещё не знала, что в этот день во Владивостоке началась история, которой вообще не должно было существовать.

Мы ехали и ехали, и в какой-то момент мне захотелось подышать свежим воздухом. Я приоткрыла окно, и морозный северный владивостокский ветер сразу коснулся пряди моих волос, выбил её из-под вязаной повязки и холодными пальцами прошёлся по лицу. Я закрыла глаза. Ветер пах морем, дорогой и чем-то совершенно знакомым, хотя я не могла понять чем именно. Наверное, городом. Наверное, воспоминаниями. Паша вёл машину молча, иногда поглядывая на дорогу, иногда на меня. Я чувствовала, как холодный воздух пробирается в салон, и почему-то не хотела закрывать окно. Мне хотелось запомнить этот момент целиком. Не фотографировать. Не записывать. Просто оставить его где-то внутри себя. На радио заиграла музыка. Сначала я не обратила внимания. Потом услышала первые знакомые аккорды и замерла. Это была моя песня. Та самая, которую я написала примерно полтора года назад. Песня про Сахалин. Я сначала даже не поверила. Повернула голову к Паше. — Ты серьёзно? — спросила я. Он улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги. — А что? — Это же моя песня. — Я знаю. Я снова повернулась к окну. Музыка становилась громче. И вдруг всё вокруг как будто немного изменилось. Владивосток за окном, серое небо, холодный ветер, дорога, редкие машины, море где-то совсем рядом. Всё это вдруг соединилось в одну картинку. Я почувствовала мурашки по ногам. Не знаю, почему именно по ногам. Наверное, потому что в тот момент я была слишком счастлива, чтобы понимать, где именно в теле живёт это чувство. В руке у меня был тёплый кофе. Я сделала глоток и закрыла глаза. В песне я пела о Сахалине. О том, как он зовёт. О расстоянии. О дороге. О месте, которое может существовать внутри человека даже тогда, когда он находится за тысячи километров от него. И сейчас, когда эта песня звучала во Владивостоке, она вдруг стала какой-то другой. Я сама уже не была уверена, о каком именно месте когда-то её написала. Может быть, о Сахалине. Может быть, о себе. Может быть, о человеке, который должен был однажды услышать её именно в этой машине. Я тихо начала подпевать. Сначала почти шёпотом. Потом громче. Паша посмотрел на меня и тоже начал подпевать. Я рассмеялась. — Ты знаешь слова? — Конечно. — Ты же никогда не слушал её. — Я слушал. — Когда? — Когда ты не знала. — Очень по-пашински. Он пожал плечами. За окном мелькали бескрайние просторы Владивостока. Дорога уходила вперёд, серое небо нависало над городом, где-то между домами блестела вода. Мы пели вместе, иногда попадая в ноты, иногда совершенно не попадая, но это уже не имело никакого значения. Я держала в руке кофе, другой рукой придерживала волосы, которые ветер постоянно пытался вытащить из-под повязки. И мне было хорошо. Очень хорошо. Я пела: «Сахалин меня зовёт». Паша подхватывал. Потом мы дошли до припева. «Зовёт меня белая птица сквозь облака, небо синее искрится издалека». Я пела и смотрела в окно. Где-то далеко действительно было синее небо. Я его не видела, но знала, что оно там есть. Мы закончили припев одновременно. И так же

одновременно замолчали. Несколько секунд в машине было тихо. Потом мы оба засмеялись. Просто потому, что это было слишком красиво и слишком нелепо одновременно. — Всё, — сказал Паша. — Что всё? — Теперь ты официально вернулась. — Куда? — Во Владивосток. Я посмотрела на него. — Я ещё даже город не увидела. — Увидишь. — Когда? — Скоро. Я допила кофе и поставила стаканчик в подстаканник. — А куда мы вообще едем? Паша сделал вид, что не услышал. — Паш. — Что? — Куда мы едем? — Сюрприз. — Какой ещё сюрприз? — Хороший. — Это не ответ. — Другого не будет. Я посмотрела на него с подозрением. — Ты что-то задумал. — Возможно. — Я тебя знаю. — Это взаимно. Он протянул руку к заднему сиденью и достал небольшой бумажный пакет. Поставил его мне на колени. — Это тебе. — Что это? — Открой. Я посмотрела на пакет. От него исходил тёплый, пряный запах. Я сразу почувствовала его. — Паша... — Что? — Ты серьёзно? — Надеюсь. — Надеешься на что? Он посмотрел на меня и улыбнулся. — Надеюсь, ты всё ещё не разлюбила пенсе. Я на секунду замерла. Потом рассмеялась. — Пенсе? — Да. — Ты привёз мне пенсе? — А что, нельзя? — Можно. Я просто не ожидала. — Я помню. — Что ты помнишь? — Что ты любила их. Я открыла пакет. Внутри лежала горячая паровая булочка. Такая, какие когда-то продавали в Хабаровске и Владивостоке буквально на каждом углу. Я на секунду просто смотрела на неё. Белое, мягкое тесто, от которого шёл пар. Я осторожно взяла пенсе двумя руками, потому что оно было горячим, и поднесла к лицу. Запах кимчи стал сильнее. — Ты ещё помнишь, какие я люблю? — спросила я. — Без мяса. — Господи. — Что? — Ничего. Я просто не думала, что ты помнишь. — Я много чего помню. Я прислонила пенсе к губам. Тесто было горячим и мягким. Я откусила небольшой кусочек, и во рту сразу разлился островатый вкус кимчи. Именно тот вкус, который я помнила. Капуста, специи, лёгкая кислинка, тепло теста. Я закрыла глаза и на секунду оказалась где-то совсем в другом времени. Мне снова было двадцать с чем-то. Я снова стояла на улице с горячей булочкой в руках. Где-то рядом кто-то смеялся. Был ветер. Было холодно. И я почему-то была совершенно уверена, что впереди у меня бесконечное количество времени. Я открыла глаза. — Вкусно? — спросил Паша. — Очень. — Я рад. — Ты специально это сделал? — Конечно. — Зачем? — Потому что ты должна была почувствовать, что вернулась. Я посмотрела на него. — Пенсе — это теперь символ возвращения? — Для тебя — наверное. Я снова откусила кусочек. — Ты знаешь, что я вегетарианка? — Знаю. — И поэтому здесь нет мяса? — Конечно. — Паш, я сейчас тебя обниму. — Только не во время движения. — Тогда после. — Договорились. Я улыбнулась и снова посмотрела в окно. Дорога становилась всё более знакомой. Я не могла вспомнить названия улиц, но тело почему-то помнило направление. Иногда город узнаёшь не глазами. Ты просто понимаешь, что уже был здесь. Мы ехали дальше. День постепенно уходил. Свет становился мягче, потом серее, потом почти синим. Владивосток медленно входил в вечер. Я достала телефон, хотела сфотографировать дорогу, но передумала. Мне вдруг показалось, что фотографии всё испортят. Я хотела просто смотреть. Хотела увидеть город своими глазами после пятнадцати лет отсутствия. Хотела понять, что во мне осталось от той девушки, которая когда-то здесь была. — Паш. — Да? — Ты сильно изменился. — Я же говорил. — Нет. Я не про внешность. — А про что? — Не знаю. Я посмотрела на него. — В тебе стало больше тишины. Он улыбнулся. — А в тебе? — Во мне? — Да. Ты стала громче. Я засмеялась. — Отлично. Значит, мы поменялись местами. — Возможно. Машина свернула. Я сразу поняла, что мы едем куда-то не в центр. — Паш, куда ты меня везёшь? — Сюрприз. — Ты уже говорил. — И всё ещё работает. — Нет. Я уже начинаю нервничать. — Не надо. — Почему? — Потому что я рядом. Я посмотрела на него и почему-то успокоилась. Через несколько минут он сказал: — Закрой глаза. — Зачем? — Закрой. — Паша... — Закрой глаза. — Это точно безопасно? — Абсолютно. — Ты не собираешься меня куда-нибудь похитить? — Нет. — Обещаешь? — Обещаю. Я закрыла глаза. — Не открывай. — Хорошо. Машина продолжала ехать. Я слышала звук шин по дороге, иногда шум встречных машин, иногда голос Паши, который что-то тихо напевал. Я сидела с закрытыми глазами

и улыбалась. — Мы ещё долго? — спросила я. — Семь минут. — Почему именно семь? — Потому что я сказал. — Очень убедительно. Я почувствовала, как машина замедлилась. Потом остановилась. Двигатель ещё работал несколько секунд. Затем Паша заглушил мотор. — Всё ещё не открывай. — Хорошо, хорошо, хорошо. Я услышала, как он вышел из машины. Дверь закрылась. Потом он обошёл машину. Открыл мою дверь. В лицо сразу ударил ветер. Я вздрогнула. — Холодно. — Я предупреждал. — Нет, не предупреждал. — Теперь предупреждаю. Он протянул руку. — Вставай. Я нащупала его ладонь и вышла из машины. Вязаная повязка на голове почти сразу задралась от ветра. Я придержала её рукой. — Ты всё ещё не открываешь глаза? — спросил Паша. — Нет. Я же обещала. — Хорошая девочка. — Не разговаривай со мной так. Он рассмеялся. Потом подошёл ближе. Я почувствовала его руки на своих плечах. — Стой. — Я стою. — Сейчас поверну тебя. — Куда? — Просто доверься. — Я уже начинаю жалеть, что приехала. — Поздно. Я почувствовала, как его ладони осторожно легли мне на глаза. Он повернул мою голову. Ветер усилился. Он трепал волосы, бил по щекам, забирался под воротник куртки. Где-то совсем рядом шумело море. Я услышала его раньше, чем увидела. Глухой, ровный шум воды. И ещё ветер. Очень сильный. Паша убрал ладони. — Теперь открывай. Я медленно открыла глаза. Ветер беспощадно трепал мои волосы и бил меня по щекам. Я придержала повязку одной рукой и посмотрела вперёд. И увидела маяк Токарева. Он стоял там, где я помнила его по старым фотографиям и воспоминаниям, только теперь был настоящим. Передо мной. Ветер. Море. Камни. Серое небо. Последний свет дня. И этот маленький маяк, который казался одновременно совершенно знакомым и совершенно чужим. Я ничего не сказала. Просто смотрела. Паша стоял рядом и тоже молчал. Внизу шумела вода. Я сделала шаг вперёд. Ещё один. И вдруг поймала себя на мысли, что именно ради этого момента, возможно, и купила билет в один конец. Не ради Паши. Не ради Владивостока. Не ради прошлого. А ради ощущения, что иногда человек должен вернуться туда, откуда когда-то ушёл, чтобы понять, почему он вообще ушёл. — Красиво, — сказала я наконец. — Да. — Я скучала. Паша посмотрел на меня. — По маяку? Я улыбнулась. — Не только. Он ничего не ответил. Мы стояли рядом и смотрели на море. Ветер трепал мои волосы, холод пробирался под одежду, а где-то далеко в городе продолжалась обычная жизнь. Люди ехали домой. Кто-то готовил ужин. Кто-то встречался с друзьями. Кто-то открывал дверь квартиры. Кто-то включал телевизор. Кто-то начинал новый день. Я тогда ещё не знала, что этот вечер запомню навсегда. Не знала, что через несколько дней буду вспоминать его совсем иначе. Не знала, что Владивосток встретит меня не только морем, ветром и прошлым. Но в тот момент мне было достаточно маяка, Паши и ощущения, что я наконец-то вернулась.

Мы стояли и стояли, а ветер всё трепал мои волосы, забирался под воротник куртки и холодными пальцами касался шеи. Я смотрела на Японское море, на маяк, на волны, которые одна за другой разбивались о камни у его подножия, и никак не могла отвести взгляд. Море было почти чёрным. Небо над ним постепенно становилось темнее, но где-то далеко ещё оставалась тонкая полоса света, и от неё вода казалась серебристой. Я не могла надышаться этим воздухом. Мне хотелось вдохнуть его целиком, запомнить каждый запах, каждый порыв ветра, каждую каплю морской воды, которая долетала до лица. Я не могла насмотреться на это небо. Мне казалось, что я слишком долго была далеко отсюда и теперь должна за один вечер наверстать все пятнадцать лет. Я смотрела на маяк и думала, что он совсем маленький. В воспоминаниях он почему-то был огромным. Наверное, потому что тогда огромным был весь мир. Сейчас я стояла рядом с ним и понимала, что иногда расстояние между прошлым и настоящим измеряется не километрами, а тем, сколько всего успело произойти с человеком за это время. Ветер снова ударил мне в лицо. Я закрыла глаза. И вдруг почувствовала, как по щекам скользнули солёные, предательские слёзы. Я даже не сразу поняла, что плачу. Просто одна слезинка скатилась по щеке, потом другая. Они были тёплыми, пока не встретились с холодным воздухом, а потом почти сразу стали ледяными. Я попыталась вытереть их рукой, но это было бес-

полезно. Слёз становилось больше. — Ну что ты? — тихо сказал Паша. Я покачала головой. — Ничего. — Я вижу, что ничего. Он подошёл ближе и обнял меня. Сначала я почувствовала его куртку. Тёплую, немного шероховатую, пахнущую холодным воздухом и чем-то знакомым. Потом его щёку, когда он наклонился ко мне. И только потом я почувствовала тепло. Настоящее человеческое тепло, которое почему-то оказалось гораздо сильнее всего этого холодного ветра. Я прижалась к нему и на несколько секунд просто перестала думать. Мы стояли так, а вокруг темнело и темнело. Маяк постепенно становился почти чёрным на фоне неба. Волны продолжали разбиваться о камни. Где-то вдалеке мигал огонь. Я слышала дыхание Паши и чувствовала, как ветер всё ещё треплет мои волосы. — Я соскучилась, — сказала я так тихо, что сама едва услышала. — Я знаю. — Откуда? — Я тоже скучал. Я ничего не ответила. Мне почему-то показалось, что этого достаточно. Мы ещё некоторое время стояли молча. Потом Паша немного отстранился и посмотрел на меня. — Тебе надо отдохнуть. — Я не устала. — Ты летела несколько часов. — Я могу ещё гулять. — Не сегодня. — Почему? — Потому что ты сейчас замёрзнешь. — Я не замёрзла. — У тебя губы синие. — Это модный цвет. Он рассмеялся. — Поехали. Я отвезу тебя в тот дом. — В какой ещё дом? — В тот, где ты будешь жить. Я посмотрела на него. — Ты же сказал, что это сюрприз. — Это и есть сюрприз. — А если мне не понравится? — Понравится. — Откуда ты знаешь? — Потому что я его выбирал. — Это вообще не аргумент. — Для меня аргумент. Я посмотрела ещё раз на маяк. Мне не хотелось уходить. Было ощущение, будто я только что нашла какую-то важную часть себя и теперь должна снова её оставить. — Я ещё сюда вернусь, — сказала я. — Конечно. — Обещаешь? — Обещаю. Паша протянул мне руку. Я взяла её. Мы пошли обратно к машине. Дорога от маяка была почти пустой. Вечер окончательно вступал в свои права. Я всё время оглядывалась назад, пока маяк не исчез из виду. Когда мы сели в машину, я сразу почувствовала, как замёрзли пальцы. Паша включил печку и посмотрел на меня. — Замёрзла? — Немного. — Я же говорил. — Не начинай. Он улыбнулся и выехал на дорогу. Некоторое время мы ехали молча. Музыку он не включал. Я смотрела в окно и наблюдала, как за стеклом постепенно растворяется день. Город зажигал огни. Одно окно. Второе. Десятое. Сотое. Тысячи окон, за каждым из которых была чья-то жизнь. Я всегда любила смотреть на города вечером. В темноте они становились похожи на огромные организмы, которые никогда не спят. Кто-то где-то смеялся. Кто-то плакал. Кто-то готовил ужин. Кто-то принимал решение, которое изменит всю его жизнь. А кто-то просто сидел на кухне и смотрел в телефон, не подозревая, что мир уже изменился. Я тогда ещё не знала, почему последняя мысль пришла мне в голову. Она оказалась мне случайной. Просто красивой мыслью для писателя, который слишком много думает. — Далеко? — спросила я. — Не очень. — Ты опять ничего не говоришь. — А что говорить? — Не знаю. Ты меня везёшь неизвестно куда. — Я же сказал, что это сюрприз. — Ты вообще понимаешь, что нормальные люди сначала показывают фотографии? — А я ненормальный. — Это я давно знаю. Он посмотрел на меня и улыбнулся. — Спи, если хочешь. — Я не хочу спать. — Тогда смотри в окно. Я снова отвернулась. Мы ехали дальше. Дорога становилась всё темнее. Иногда вдоль неё появлялись редкие дома, потом снова исчезали. Где-то виднелось море. Где-то дорога уходила между деревьями. Я не спрашивала, куда именно мы едем. Почему-то доверяла ему. Может быть, потому что пятнадцать лет назад тоже доверяла. А некоторые привычки переживают время лучше, чем люди. Через некоторое время Паша свернул с основной дороги. — Всё, почти приехали. — Уже? — Да. — Я ничего не вижу. — Потому что темно. — Очень логично. — Потерпи. Через несколько минут машина остановилась. Паша выключил двигатель. Я посмотрела вперёд. Перед нами стоял небольшой дом. Не гостиница. Не современный коттедж. Просто деревянный дом, спрятанный среди деревьев. Несколько окон светились тёплым жёлтым светом. Вокруг было тихо. Очень тихо. Настолько, что после города я сначала даже не поверила этой тишине. — Это что? — спросила я. — Твой дом. — На сколько? — Пока не надоест. Я посмотрела на него. — Ты серьёзно? — Абсолютно. — Ты снял мне

целый дом? — Да. — Паш. — Что? — Ты сумасшедший. — Возможно. Он вышел из машины. Я тоже открыла дверь. Холодный воздух сразу напомнил о себе. Паша достал мои чемоданы из багажника. — Давай я помогу. — Я сама. — Знаю. Но всё равно помогу. Он взял оба чемодана и понёс их к дому. Я пошла следом. Дорожка была слегка заснеженной, местами уже мокрой. Под ногами хрустел лёд. Дом оказался гораздо уютнее, чем я ожидала. Небольшой, деревянный, с тёплым светом в окнах и маленьким крыльцом. Паша открыл дверь. Внутри пахло деревом, сухими дровами и чем-то ещё, домашним. — Ну? — спросил он. — Красиво. — Я же говорил. — А где тут отопление? — Сейчас покажу. Он занёс чемоданы внутрь и поставил их у стены. Потом открыл дверь в небольшую комнату, где стояла старая металлическая буржуйка. — Вот главный источник тепла. — Ты издеваешься? — Нет. — Я в последний раз видела буржуйку в каком-то старом фильме. — Значит, сегодня будет новый опыт. Паша присел возле печи и начал объяснять, как ей пользоваться. Я стояла рядом и внимательно слушала. — Сначала открываешь вот это. Потом кладёшь дрова. Потом поджигаешь. Но не слишком сильно. И следишь за тягой. — А если я всё сделаю неправильно? — Не сделаешь. — Откуда такая уверенность? — Я тебя знаю. — Это вообще не связано. — Связано. Ты слишком осторожная. Я посмотрела на него. — Это комплимент? — Да. Наверное. Он открыл небольшую дверцу, показал мне заслонку, потом проверил, как идёт воздух. — Всё просто. — Для тебя. — Через пару часов сама будешь смеяться. Паша показал мне дровник. Он находился прямо возле дома и был забит сухими поленьями. — Вот. Дров хватит. — На сколько? — На всю зиму, если не будешь пытаться отапливать улицу. — Не обещаю. Я вышла на крыльцо и посмотрела на дровник. Поленья были аккуратно сложены. Рядом стоял небольшой топор. Всё выглядело так, будто кто-то специально приготовил это место для человека, который должен был приехать и остаться здесь на какое-то время. — Паш. — Да? — Это ты всё сделал? — Я просто договорился. — А дрова? — Привезли. — А дом? — Нашёл. — А кто здесь жил? — Не знаю. Я посмотрела на него. — Не знаешь? — Не знаю. — Ты снял мне дом и не знаешь, кто здесь жил? — Это важно? — Немного. — Не переживай. Здесь никто не живёт. — Сейчас. — Сейчас тоже. Я не стала уточнять. Мы вернулись внутрь. Паша показал мне кухню. Небольшой стол, чайник, несколько чашек, холодильник, плита. На столе стояла бутылка воды и какая-то записка. Я взяла её. Там было написано всего несколько слов: «Добро пожаловать». — Это кто написал? — спросила я. — Я. — Узнаю почерк. — Я старался. Я улыбнулась. — Спасибо. Он кивнул. Потом показал ванную комнату. — Здесь бойлер. Включается вот так. Через несколько минут будет горячая вода. — А если закончится? — Подождёшь. — Прекрасно. — Ты хотела настоящего Владивостока. — А это настоящий Владивосток? — Самый настоящий. Он открыл дверь и показал мне небольшую веранду. Отсюда уже почти ничего не было видно, кроме темноты и нескольких далёких огней. — Здесь можно сидеть летом. — А зимой? — Тоже можно. — Я замёрзну. — Тогда буржуйка. Я засмеялась. Паша посмотрел на часы. — Мне пора. — Уже? — Уже. Я думала, ты останешься. — Нет. — Почему? — Тебе надо привыкнуть. — К дому? — К тишине. Я посмотрела на него. Он улыбнулся. — Завтра приеду. — Во сколько? — Утром. — А если я не проснусь? — Проснёшься. — Откуда такая уверенность? — Я тебя знаю. Он накинул куртку, взял ключи и направился к двери. Я пошла за ним. — Паш. — Что? — Спасибо. Он остановился. — За что? — За всё. За пенсе. За маяк. За этот дом. За то, что ты вообще меня встретил. Он посмотрел на меня несколько секунд. — Я же обещал. — Что? — Что встречу. Я улыбнулась. — До завтра. — До завтра. Он вышел. Дверь закрылась. Я услышала его шаги на крыльце. Потом хлопнула дверца машины. Двигатель завёлся. Я подошла к окну и посмотрела наружу. Фары осветили дорогу. Машина медленно тронулась. Я стояла у окна, пока красные огни не исчезли в темноте. Потом стало тихо. Очень тихо. Я осталась одна. В доме потрескивала буржуйка. Где-то внутри стен что-то тихо щёлкнуло. За окном шумел ветер. Я посмотрела на часы. Было уже поздно. Я сняла куртку, повесила её на стул и вдруг почувствовала, насколько сильно устала. За один день я успела прилететь во Владивосток, уви-

деть Пашу после пятнадцати лет, съесть пенсе, услышать свою песню, побывать на маяке Токарева и получить целый дом посреди неизвестности. Слишком много для одного дня. Я подошла к буржуйке и протянула руки к теплу. Пламя отражалось в стекле дверцы. Я смотрела на огонь и думала о том, как странно иногда складывается жизнь. Ты можешь годами жить в одном городе, ходить по одним улицам, разговаривать с одними людьми и быть совершенно уверенной, что знаешь, что будет завтра. А потом однажды покупаешь билет в один конец и оказываешься на другом конце страны. И всё начинается заново. Я подошла к печке. В тусклом свете виднелась. Кровать, прикроватная тумба, лампа, шкаф и окно. Я подошла к нему. Снаружи была абсолютная темнота. Где-то далеко, возможно, было море. Я не могла его увидеть, но могла представить. Я открыла окно на несколько сантиметров. В комнату сразу ворвался холодный воздух. Я улыбнулась. Владивосток был рядом. Совсем рядом. Я закрыла окно и легла на кровать. На телефоне было несколько сообщений. Я не стала их читать. Положила его экраном вниз. Закрыла глаза. И впервые за весь день почувствовала, что действительно одна. Не одинока. Просто одна. Иногда это очень разные вещи. Я слышала, как ветер ударил в стену дома. Потом ещё раз. Буржуйка тихо потрескивала. Я подумала о маяке. О море. О песне. О Паше. О пенсе с кимчи. О том, что завтра мы, наверное, пойдём гулять по городу. Может быть, он покажет мне старые места. Может быть, мы снова будем смеяться. Может быть, я наконец пойму, зачем приехала. Я улыбнулась и закрыла глаза. В тот вечер я была совершенно уверена, что завтра будет обычным днём. Я ещё не знала, насколько сильно ошибалась.

Я закрыла глаза, и усталость настолько навалилась на меня, что я даже не заметила, как провалилась в сон. Это произошло почти мгновенно. Ещё секунду назад я слышала тихое потрескивание буржуйки, чувствовала тепло под одеялом и думала о том, что утром Паша снова приедет, а уже в следующую секунду меня словно затянуло куда-то глубже, чем обычный сон. Сон окутал меня густым, тяжёлым облаком. Я не сразу поняла, что сплю. Сначала мне показалось, что я снова стою у моря. Был ветер. Было холодно. Японское море лежало передо мной тёмной, почти неподвижной массой, а маяк Токарева светил где-то вдалеке. Потом свет исчез. Море исчезло. Владивосток исчез. И я снова увидела тот ужас, который однажды уже видела во сне и который потом так подробно описывала в книге «2050». Если сейчас попытаться рассказать тебе эти образы и раскрыть хотя бы часть того, что происходит дальше, первое, что приходит мне в голову, — это цвет. Красный. Я бы даже дала ему имя. Красный цвет, которым художники очень густо рисуют яблоки или вишни, когда хотят, чтобы они казались почти ненастоящими, слишком яркими, слишком живыми. Только во сне этот цвет был другим. Глубже. Темнее. Он не просто был вокруг. Он словно заполнял собой всё пространство. Я снова видела всё залитым этим пунцово-алым, невообразимо глубоким цветом. Небо. Землю. Дороги. Камни. Лица людей. Одежду. Всё, что находилось передо мной, будто было покрыто одним огромным слоем цвета, от которого невозможно было спрятаться. Я пыталась закрыть глаза, но даже с закрытыми глазами продолжала видеть его. Пунцово-алый. Почти чёрный на границах. Красный настолько плотный, что казалось, его можно потрогать рукой. И среди этого цвета я слышала крики. Сначала один. Потом несколько. Потом десятки. Потом сотни. Потом тысячи. А потом мне показалось, что я слышу больше ста тысяч мужских голосов одновременно. Это был не просто шум. Это был человеческий ужас, собранный в один звук. Я не могла понять отдельные слова. Иногда мне казалось, что кто-то зовёт кого-то по имени. Иногда я слышала команды. Иногда плач. Иногда молитву. Но всё это сливалось в один огромный, невыносимый крик, который невозможно было остановить. Я стояла среди этого и ничего не могла сделать. Я не могла помочь. Не могла убежать. Не могла закрыть уши. Не могла проснуться. И самое страшное было даже не то, что я видела. Самое страшное было то, что я уже знала. Я знала эти места. Знала людей. Знала последовательность событий. Знала, что произойдёт дальше. И от этого становилось ещё страшнее. Всё было так страшно, примерно так же страшно, как в книге «2050». Иногда я думаю, что именно поэтому я и написала её.

Потому что есть вещи, которые невозможно удержать внутри себя. Они требуют формы. Слов. Страниц. Истории. Даже если эта история вымышленная. Даже если никто не должен воспринимать её как предсказание. Даже если проще сказать, что всё это просто фантазия писателя. Во сне я снова увидела тот момент. Я не буду описывать его сейчас. Не потому, что не могу. А потому, что пока не хочу. Некоторые вещи должны оставаться за пределами первых страниц. Некоторые двери лучше не открывать слишком рано. Я просто помню этот цвет. Этот пунцово-алый цвет. И крики. Больше ста тысяч голосов. И чувство, что мир больше никогда не станет прежним. После таких кошмаров я никогда не вскакивала и не кричала. Это всегда происходило совершенно иначе. Я медленно открывала глаза. Сначала не понимала, где нахожусь. Потом видела потолок. Стену. Тёмное окно. Слышала какой-нибудь совершенно обычный звук — работающий холодильник, ветер за окном, шум машины на улице — и постепенно понимала, что снова здесь. В настоящем. В своей комнате. В своей жизни. И тогда начинала плакать. Не громко. Не истерично. Просто плакать от боли и от невыносимости того, что только что увидела. Слезы приходили сами. Я лежала и смотрела в темноту, иногда закрывала лицо руками и пыталась дышать. Но больше всего меня пугала одна мысль. Не то, что мне снова приснился кошмар. Не то, что я увидела кровь, разрушенные города и людей, которых невозможно было спасти. Меня пугала мысль о том, что это случится. Потому что сон был слишком подробным. Слишком последовательным. В нём были детали, которые невозможно придумать за одну секунду. Я видела улицы. Здания. Лица. Я слышала голоса. Иногда во сне появлялись вещи, которых я раньше никогда не знала, а потом я находила их в книгах, старых картах или совершенно случайных фотографиях. И каждый раз мне становилось страшно. Конечно, разум может создавать удивительные вещи. Человеческий мозг способен соединять фрагменты информации, которые мы даже не осознаём. Память хранит гораздо больше, чем нам кажется. Возможно, именно это и происходило со мной. Возможно, я просто слишком много читала, слишком много думала о будущем и слишком долго жила внутри собственных историй. Возможно, мой мозг однажды решил продолжить их ночью. Возможно. Но есть одна вещь, которую невозможно было объяснить так просто. Я не могла отделаться от ощущения, что видела не фантазию, а что-то, что уже где-то существует. И от этой мысли мне становилось страшно. В ту ночь я проснулась посреди сна с ощущением полного отчаяния и какой-то страшной беспомощности. Я лежала в незнакомом доме во Владивостоке и смотрела в потолок. Было темно. Я не знала, который час. За окном шумел ветер. Буржуйка почти погасла, и в комнате становилось прохладно. Я подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза. Но сон не уходил. Он продолжал стоять передо мной. Красный. Пунцово-алый. Невыносимо глубокий. И крики. Больше ста тысяч мужчин. Я прижала ладонь ко рту, чтобы не издать ни звука. Не потому, что боялась кого-то разбудить. Я была одна. Просто мне казалось, что если я закричу, то этот сон станет настоящим. Что если я произнесу вслух то, что увидела, оно каким-то образом перейдёт из моего сознания в реальность. Я понимала, насколько это нелогично. Но страх редко бывает логичным. Я хотела предупредить. Хотела кому-нибудь рассказать. Хотела выйти на улицу и кричать. Хотела сказать людям: остановитесь. Не делайте этого. Не идите туда. Не верьте им. Не открывайте эту дверь. Не начинайте. Не продолжайте. Но кому я могла это сказать? Кто бы мне поверил? Что именно я должна была объяснить? Что мне приснилось будущее? Что я видела людей, которых ещё не встретила? Что знаю события, которые ещё не произошли? Я сама бы не поверила человеку, который пришёл ко мне с такой историей. Поэтому я молчала. Я могла только тихо плакать, принимая собственную беспомощность. И писать о своих снах в dark fantasy книге «2050». Наверное, именно поэтому эта книга вообще появилась. Не как пророчество. Не как предупреждение. А как единственный способ вынести наружу то, что я не могла сказать вслух. Я превращала страх в текст. Кошмар — в сцену. Образ — в героя. Крик — в диалог. А потом закрывала ноутбук и пыталась жить обычной жизнью. Заваривать кофе. Отвечать на сообщения. Летать в другие города. Встречаться с друзьями. Смеяться. Писать

песни. Снимать фотографии. И делать вид, что всё нормально. Когда ты читаешь мои книги, всегда помни: все события вымышлены. Все герои случайны. Все совпадения случайны. Я повторяю это не потому, что мне нечего сказать. Наоборот. Иногда вымысел — единственный способ сказать о реальности то, что иначе невозможно произнести. Но книга остаётся книгой. История остаётся историей. А читатель имеет право воспринимать её именно так, как хочет. В ту ночь я долго лежала и смотрела в темноту. Ничто не могло успокоить меня. Ни тёплое одеяло. Ни потрескивание дров. Ни мысль о том, что утром приедет Паша. Ни понимание того, что всё это был всего лишь сон. Боль не уходила. Это была какая-то особенная боль. Не боль от страха за себя. Даже не боль от увиденного. Это была боль неизбежности. Боль от ощущения, что впереди есть что-то огромное и страшное, а ты ничего не можешь изменить. Что ты всего лишь маленький человек, который случайно увидел слишком много. Я плакала тихо, чтобы никто не услышал. Хотя слышать было некому. Иногда я вытирала слёзы ладонью и пыталась снова уснуть. Иногда открывала глаза и смотрела на окно. За ним была ночь. Обычная ночь во Владивостоке. Где-то далеко светили фонари. Где-то ехали машины. Где-то люди возвращались домой. Кто-то смеялся. Кто-то ругался. Кто-то впервые в жизни целовал человека, которого любил. Кто-то принимал решение, которое считал правильным. А я лежала в маленьком деревянном доме и думала о том, что человеческая жизнь всегда продолжается именно так. Даже когда где-то уже начинается конец. Я снова закрыла глаза. Перед ними сразу появился красный цвет. Я открыла глаза. Красный исчез. Я снова закрыла. Он вернулся. Тогда я просто перестала сопротивляться. Пусть будет сон. Пусть будет этот кошмар. Пусть он закончится сам. Я лежала неподвижно и слушала ветер. Через некоторое время веки стали тяжёлыми. Мысли начали расплываться. Я уже почти снова проваливалась в сон, когда мне вдруг показалось, что где-то внизу, на первом этаже, что-то тихо звякнуло. Я открыла глаза. Прислушалась. Тишина. Потом ещё один звук. Очень тихий. Как будто кто-то поставил чашку на стол. Я задержала дыхание. В доме я была одна. По крайней мере, так я думала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.